

Плакаты к 800-летию Москвы, выпускаемые издательством «Искусство». Справа — плакат работы худ. Б. Мухоморова, слева и в центре — работы худ. М. Нестерова.

СЕРДЦЕ РУССКОГО ИСКУССТВА

С. ДУРЫЛИН

Проходите по улицам Москвы, остановитесь перед памятниками на ее площадях и бульварах, переберитесь в памяти названия этих улиц и площадей, надписи на мемориальных досках... и перед вами в именах, датах и образах, запечатленных в мраморе и бронзе, возникнет история русского искусства.

Улицы Горького связывают между собой площадь Пушкина и площадь Маяковского. Улицы Герцена везет к Московскому университету, носящему имя великого основателя русской науки — Ломоносова. Мы читаем названия улиц и площадей: улица Огарева, Белинского, Чехова.

Каждое из этих наименований — не только дань памяти великим писателям, ученым, мыслителям, но и напоминание о том, что здесь жили, творили эти люди, связанные с Москвой, как же тесно, как связаны с ней ее история России.

В Москве родились И. А. Крылов, Д. И. Фонвизин, Денис Давыдов, П. А. Вяземский, А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, Д. В. Веневитин, А. И. Герцен, М. Ю. Лермонтов, С. М. Соловьев, Ф. М. Достоевский, А. Н. Майков, А. Н. Островский — это все дети и питомцы Москвы. В ближайших ее окрестностях родились Н. И. Новиков, А. В. Суховерхов, И. Ф. Горбунов.

Москва издавна была не только государственной твердыней, центральной крепостью, защищавшей независимость русского государства, она всегда была центром просвещения, сокровищницей русского искусства, а в ней с могучей силой проявлялась мысль русского народа, его высокая одаренность, росла его культурная мощь. Москву с полным правом можем назвать мы сердцем русского искусства и литературы.

В XIV—XVI веках в Москве происходил процесс собирания духовных богатств и сокровищ русской культуры. На основе различных летописей здесь были составлены летописные своды.

Здесь гениальный Андрей Рублев положил начало русской художественной школе. Московские зодчие создали русский архитектурный стиль.

Москва — колыбель печального слова нашей родины. Здесь в 1564 году первоначально Иван Федоровым была выпущена первая русская печатная книга «Апостол».

Самопечатники

К. ВОЛКОВА

В Ленинграде выходит детская газета «Ленинские искры». Литературный отдел этой газеты занимает большое место. Но как качество публикуемых рассказов и стихотворений?

В первом номере текущего года, очевидно в качестве новгородского подарка, редакция поместила стихотворный опус К. Высоковского «Снежный бал».

В таком тоне беседуют кролики и белки, жирафы, лисы и зайчата, неизвестно зачем собранные автором на бал.

В четырех номерах с продолжениями №№ 20, 22, 24, 26) печатался рассказ С. Шитицкого «Из каменного плена» — о борьбе ленинских партизан с немецкими оккупантами.

Рассказы и стихи, помещенные в газете «Ленинские искры», из рук вой плочки. Хочется спросить: в чем дело? Может быть, в таком крупном культурном центре, как Ленинград, нет писателей, способных создавать полноценные произведения для детей?

С № 1 по № 50 за 1947 год в газете опубликовано 53 новых литературных произведения (не считая написанных детьми). Из них три четверти принадлежат перу штатных сотрудников редакции.

Дорофеев дает на два подвала свою поэму «Привольный край» с такими, например, строчками:

Все это редакция считает допустимым: юные читатели, мол, неразборчивы.

В защиту Диккенса!

О статье в «Британском союзнике»

«Еще до сих пор мы не располагаем критическим исследованием, которое полностью соответствовало бы тому образу Диккенса, который сложился у широчайшей аудитории. Я хотел бы оставаться только на одну особенность творчества Диккенса» — так начинает английский литературовед Гемфри Хауз свою статью «Две стороны творчества Диккенса».

Миллионы советских читателей — наследники всего прогрессивного в мировой культуре — превосходно знают, тонко чувствуют, ценят все лучшее в творчестве Диккенса. Очень многие из них знают сделанную Марком тоною, злободневно звучащую и теперь характеристику одной из основных сторон творчества Диккенса.

Отношение советских литераторов к творчеству Диккенса хорошо выразил А. Фадеев в недавно написанной статье «Задания литературной критики»:

Быть может, Гемфри Хауз пишет об этих двух сторонах творчества Диккенса? Быть может, он выясняет, почему так типичен образ мистера Дойби — это воплощение буржуазной ограниченности и буржуазного самолюбия, буржуазного лицемерия и буржуазной жестокости.

Вот они, переломные люди, демократы, — раздвигаются Г. Хауз с английским классиком — «слишком левым, слишком демократичным» с точки зрения современных буржуазных идеологов. Даже реформатор Диккенс, «оказавшись, «в душе» был жестоким анархистом и просто преступником».

Нарочито бессвязно, сумбурно построена и полная неадекватность статья Г. Хауза — образчик гнуснейшей и лукавой пропаганды западных идеологов реакции.

Нет, Гемфри Хауз сенсационно «открывает» совсем другую «сторону» творчества Диккенса — его отношение к прогрессивным идеям Диккенса в его произведениях. Г. Хауз все внимание уделяет этой другой «стороне» творчества Диккенса.

Как доказывает Г. Хауз, что Диккенс «почти не постигает добра»? ... Небольше яркого персонажа его романов — пишет критик о Диккенсе, — это люди одинокие, отщепенцы, самозабвения, убиты, чудовища, уроды». В статье немало подобных рассуждений о повествовании Диккенса как «страшном, злобном и смертоносном проявлении человеческой природы» — внимания, порожденном будничными «глубокими психологическими свойствами самого писателя».

Как доказывает Г. Хауз, что Диккенс «почти не постигает добра»? ... Небольше яркого персонажа его романов — пишет критик о Диккенсе, — это люди одинокие, отщепенцы, самозабвения, убиты, чудовища, уроды». В статье немало подобных рассуждений о повествовании Диккенса как «страшном, злобном и смертоносном проявлении человеческой природы» — внимания, порожденном будничными «глубокими психологическими свойствами самого писателя».

Готовится к печати «Летопись» Государственного литературного музея, в которой будет помещено много новых материалов о жизни и творчестве Л. Н. Толстого. В книгу войдут не опубликованные до сих пор писем великого писателя, среди них — письма к Н. С. Лескову и Д. В. Григорьеву.

Литературная газета № 35

СИЛА НАРОДНОГО ГЕНИЯ

Перед нами — огромный, превосходно изданный том. Шесть литератур (таджикская, азербайджанская, узбекская, туркменская, казахская, киргизская) представлены в нем многочисленными образцами и снабжены иллюстрациями — портретами писателей, воспроизведением старинных миниатур, факсимиле.

В книге есть план и система, образцы подобранные и расположены исторически: они дают представление о росте и развитии каждой данной литературы; при выборе их выделены и отгнетены переводы, близкая им по духу и содержанию тема, выражающая основные чаяния народа, нашедшие свое воплощение в том советском строе. Четыре литературы (таджикская, азербайджанская, узбекская, туркменская) показаны сперва в литературных образах, потом в их фольклоре (эпос, сказки, пословицы и поговорки, песни); две литературы (казахская и киргизская) начинаются, наоборот, с показа фольклора и завершаются литературными образцами.

Каждому разделу предпослан общий очерк, где даны исторические сведения о народе; каждому автору, перед показом образов его творчества, предпослана краткая биография. Впервые в таком полном виде материал советской литературы — по-русски на русском языке — прекрасное творчество всех наших среднеазиатских республик и одной закавказской. Прелесть и сила народного гения, чистота и ясность мышления народа, его юмор и философия, песни и сказки, мечты его о будущем и юное, счастливающее творческое чувство бытия в советское время — передается читателю со страниц этой большой книги, представляющей собой, помимо чисто познавательного, «учебного» материала, еще и захватывающее интересное чтение. А такое чтение, став массовым, ведет к глубокому культурному взаимодействию и никогда не остается бесплодным; оно неизбежно обогащает новыми красками и палитрой нашей русской литературы, обогащая ее переводческой народной интонацией, чувством пейзажа и другие средства характерности при показе людей и природы братских республик.

В русской литературе прошлого был опыт такой «хрестоматии», имевший огромное значение для творчества больших русских писателей. Первый русский восточвед, А. В. Болдырев, занявший в 1811 году в Московском университете кафедру восточных языков, выпустил 123 года назад (в 1824 году) «Арабскую хрестоматию», где были собраны образцы арабской поэзии и прозы. Почти вплоть до наших дней, несмотря на все несовершенство, эта хрестоматия сохраняла значение учебного пособия. Но действие ее было гораздо шире. По словам академика И. Крачковского, «эта хрестоматия сыграла свою роль и в развитии поэтического чувства. Включая довольно значительное количество мелких рассказов и повестей, она доставляла очень удобный материал для переводов, которые усиленно публиковались в различных журналах и альманахах того времени как самим Болдыревым, так и его учениками».

Наша, советская, хрестоматия шести восточных литератур, рассчитанная на массового читателя, изданная в хороших (за малым исключением) переводах, не может, конечно, пройти бесследно для советских писателей. Кое-что из помещенного в ней мы хорошо знаем, многое читали, но в хрестоматии, в избранных отрывках все звучит острее и непосредственнее.

Заглянем в раздел таджикской литературы. Нельзя не получить высокого наслаждения от маленького отрывка из исторического романа Айни «Рабъи». В тени юрты разговаривают три байских батрака и зашедший к ним в гости джидд из Сувары (джидд — буржуазные националисты). Ни тени нарочитости в этой небольшой сценке. Но с правдивостью, почти детской в ее неискренности простоте, три неграмотных батрака своими бесхитривыми вопросами, народной смекалкой, здоровым классовым инстинктом выводят «на свежую воду» джидда, да так, что он и для читателя разоблачен навсегда. Этот отрывок поистине бессмертен по своему совершенному искусству и совершенной агитационной силе.

Глубокие думы пробуждает поэма Мирсиды Миришкарва «Золотой кишлак». Из века в век переходила на Памире легенда о «золотом кишлаке» за горами, где все люди счастливы и равны. Один из бедняков-горцев, замученный нуждой, захватывает «золотой кишлак» и возвращается к себе. Но не может он вынести счастья, которое он принес. Он умирает. И мы видим, как счастье, которое он принес, возвращается к тем, кто оставил его.

От образа к образу, от впечатления к впечатлению. — подступает к нашему горлу теплая, счастливая слеза огромного волнения, того волнения, какое одаряет болей и человеческое искусство, правда и красота.

Шесть литератур наших братских республик предстают перед читателем более или менее полно в их историческом становлении, в их связи и родстве одна с другой (там, где эта связь и родство видно), в их взаимоотношениях с великой русской литературой. Мы знаем, как трудно, а в то же время как необходимо создать правильные концепции истории литературы

думал найти этот кишлак, оставил семью и пустился с братом в дальний путь.

И в силу брести дальше, потеряв в пути брата, человек решил вернуться в родной убогий кишлак и там умереть. Вот он, истощенный, «дрожа в своем трясине, полелея по обрывистой тропе», — на родине за эти долгие годы все изменилось. Золотым кишлаком стала его советская земля.

По сторонам густы и широки Коврами разрослись шетины... То самый лучший хлопок созревал. Гусенком из ячменя прозелет. Дул ветерок, лаская, не пыля; Высоко поднимались тополя; Больших кибиток ровные ряды Расползались около воды; Куда ни глянь — плодовые сады; Отвечавший пламенем пожар; И чельвь, пролетев, благодарит Цветущего суббула аромат...

Старый горец нашел свой «золотой кишлак» и своего взрослого сына, советского человека, передового колхозника. Эта тема воплощенной мечты — одна из наиболее тем. Народное начало ее у Мирсиды, как и у «Страна Муравия» Твардовского, сочетается с высоким литературным искусством современного советского поэта. Прекрасно «Сказание о Мардистане» поэта Лхугути, посвященное памяти двадцати восьми героев-партизновцев.

В разделе азербайджанской литературы привлекает внимание читателя поэма крупной азербайджанской классики Мир-заде Фатали Ахундова «На смерть А. С. Пушкина». Пушкин выжил только этой поэмой жизни. Грозный ветер гибели потухнул светлячки его души.

В насладившемся читателем поэмой романа стихи Сеид-Азиза, елку сатире Сабила, классический рассказ Мамед-Кули-заде «Почтовый ящик», произведения советских азербайджанских писателей, рассказ Мехти Гусейна «Фантасия» (о подпольной работе молодого Сталина в Баку), Сулеймана Рустам («Лучший портрет»), Самеда Вургун («Азербайджан»), Мамеда Рагима (действие «Ты, нефть») и другие.

В разделе узбекской литературы привлекает внимание фольклор — сказания народа о Ленине и Сталине, сказки, вновь записанные «настущими», неожиданно привнесшие на полях Узбекистана, очаровательные рассказы об Апанди (Ходжа Наср-ддин), глубоко волнует отрывок из романа Айбека «Священная кровь» — о молодом байском батраке Юли.

Немыслимо в газетной статье охватить каждый отряд, хотя бы короткий. Вот два туркменских шахира (народных певца) — Нури Анайхан и Ата Салих, живущие один на реке Мургаб, другой на реке Тедже — перекликаются стихами, каждый о своей родной земле, и своеобразный мир Туркмени «встает перед глазами: встает древний город Мерв (Мары), хозяйство колхозов — хлопок, плоды, шелк, тунные стада... Настоящим мастером реалистической поэмы показывая себя Сабит Муканов в отрывке из романа «Загадочное знамя» (казахская литература), чудесной поэзией овец и проза и стихи Аалы Токомбаева (киргизская литература).

От образа к образу, от впечатления к впечатлению. — подступает к нашему горлу теплая, счастливая слеза огромного волнения, того волнения, которое одаряет болей и человеческое искусство, правда и красота.

всех наших народов; как насущно необходимо иметь нам общую концепцию истории советской литературы, вступающей уже в четвертый десяток лет своего развития. Хрестоматия, которую мы получили перед самым праздником тридцатилетия Октября, благодаря большому охвату материала и обдуманной его систематизации позволяет сделать некоторые общие выводы.

И самый важный, обобщающий вывод таков: лишь полное раскрытие человека — творца в нашем советском строе позволило родиться вот этому большому искусству, позволило советским людям по-новому взглянуть на прошлое, оживить его, взять лучшее из того, чем это прошлое в мечтах и борьбе обращалось к будущему, соками его напоить новые, свежие побеги советской литературы, этой настоящей песни народа о счастье и правде на земле.

Как и всякий впервые предпринятый большой труд, хрестоматия не свободна от некоторых ошибок и недочетов. Хотелось бы, чтобы при переиздании составители удалось их выправить.

Прежде всего хрестоматия очень выиграла бы, если бы она имела разделы грузинской и армянской литературы; ведь оба эти народа, грузинский и армянский, находясь и в прошлом во взаимоотношениях с народами Средней Азии, уже не говоря об их ближайшем соседях, народе азербайджанском. Параллели, выявленные сейчас в эпоху среднеазиатских и азербайджанских республик, тогда получили бы интереснейшее развитие в фольклоре и эпике этих народов. Составитель ограничился лишь той группой языков, которые он знает; но для целостности хрестоматии лучше было бы грузинский и армянский отделе получить другим специалистам, нежели выключить их из книги.

Подбор образов в хрестоматии, в общем, повторен, чрезвычайно удачный, все же не полный; многое, что написано после войны, не нашло себе места в книге. В разделе азербайджанском об ашуге Алексее (крупнейшем ашуге Азербайджана) упоминается в общем очерке, а образ его творчества нет; не дано образов молодых прозаиков; нет, к сожалению, и чудесных стихов женщины-поэта Миррази Дильбаз и Нияри. В биографии Мамед-Кули-заде следовало упомянуть о том, что он сотрудничал в Тбилиси в газете «Кавказский Рабочий Листок», которой руководил товарищ Сталин (выходила с 20 ноября 1905 года по 14 декабря того же года).

Этот исторический факт, доказанный азербайджанским литературоведом Аза Шарифов (Известия Азербайджанского филиала Академии наук СССР, 1944 год). Следовало вообще уделить этому замечательному писателю больше места. Нельзя было в разделе «Казахская литература» совершенно обойти молчанием одного из крупнейших писателей Казахстана Мурасаулы, не дать ни одного отрывка из романов Мустафина (пишущего на современные темы), не дать стихов Аманжолова. В то же время нам кажется нужным поместить «Бекет-батыра». Хотелось бы увидеть в киргизском разделе больше образов творчества Аалы Токомбаева, например, его сказку «Ответ мудреца».

Еще пожелание — по поводу иллюстраций. Они в целом и превосходны и новы для русского читателя, и очень вдумчиво подобраны. Но хрестоматия еще более выиграла бы, если бы составитель воспользовался содержательным трудом К. В. Третьякова «Памятник греко-бактрианского искусства», изданным Академией наук СССР в 1940 году и охватывающим памятники искусства (с III века до нашей эры на протяжении около 115 лет), найденные на территории нынешних советских республик — Киргизии, Казахстана, Узбекистана, Туркмени и Таджикистана. Памятники эти, совершенно исключительные по красоте, могли бы не только украсить хрестоматию. Найденное, например, на территории древней Бактрии серебряное блюдо с изображением богини Анахит (богиня плодородия) могло бы протянуть лирическую связь для читателя из наших среднеазиатских республик к республикам Закавказья.

Все эти замечания и пожелания, вполне выполнимые для нового издания, ни в какой мере не умаляют нашего чрезвычайно положительного мнения о выпущенной Училищем чудесной книги.

Иллюстрация из книги Е. Поповкина «Семья Рубанок» работы худ. А. Кокоркина, выходящей в издательстве «Молодая гвардия».

И. СЕЛЬВИНСКИЙ Новаторская тема

Есть у поэта Константина Мурзины стихи о любви, стихи о природе, стихи о войне. Это хорошие, искренние стихи. Но их мы напишем любой другой поэт того же поэтического уровня. Во всяком случае, дописав автору ничего не сказала бы читательница: познакомившись с ним впервые, читатель не стал бы искать ее в каждом очередном номере наших журналов и газет, как он это делает по отношению к поэтам, творчеством его сердце.

Но есть у Мурзины тема, глубоко понятная и превосходно разработанная: тема эта — труд рабочих Урала. Она определяет поэтическое лицо Мурзины и делает его своеобразной фигурой даже в такой богатой индивидуальности литературы, как наша советская литература.

Один открыл на горных склонах руды И стал ковать орудияе кланки. Другой нашел в отвалах изморуды И засветил в кристаллах огоньки. Когда же пришел за мастерами третий, Так ристерился перед блестящим дай И отступил, не смея рассмотреть их, Потупил взгляд и ничего не внял. И сверляющий сверлов вертикаль, Он победил на каменной тропе. Как только мог, чтобы в земных долинах Рассказывать влюбленно о тебе.

Это сказано о старце-сказателе. Но относится к самому поэту. Недаром в поэме «Горная невеста», посвященной П. Бажову, Мурзины говорит: «... влюблен в невесту горную, влюблен в мету горняцких улиц, Хозяйка Медной Горы — уральский миф о вечном стремлении горняка к незнакомым нам — стала музой и свердловского поэта».

Мурзины угадывает свою тему даже сквозь слезы истории. По-всякому изобразил Сен-Готард, и кажется, трудно увидеть его сейчас иначе, чем видел Суриков. Но Мурзины подошел к памятнику русской воинской славы с новой, неожиданной стороны.

Если бы Суворову хоть малость В сиянии приподнялся на ресницы, Она бы увидала, дай позволил бы. Эта крепость (г. е. Урал — И. Су.) и Ветвь реки. Описаны на свист уральской пушки, Подготовлен выстрел бы мог Далеко и долгие у озвучки. Белый над плавильными дымаком.

«Впервые в исторической батальной картине рядом с героем-солдатом возникает и героиня. Стихотворение «На Алтыях» рассказывает о встрече Суворова с бомбардиром, который, вопреки приказу, не решается сбросить свою пушку в пропасть, хотя тащить ее дальше в горы неумоимо. На резкий окрик полковника солдат отвечает:

«И, сительство наше, из дальних краев, Эту пушку я сам отнял. Отняли, как вынул, для великих боев, И везу, любя-милу, Может, в сентюре. И забуду, что там было На Магнит-горе.»

Но сентябрь прошел, а паренек не уехал. Почему? Да кто его знает... Как-то так вышло. Ну, да ладно — До весны еще побуду На Магнит-горе.

Вот уже и весна на носу. Почки, птвички и всякое прочее, — можно бы и собраться во всякой, а паренек опять остался: ... а весною Зянона разлад: Дай жэ, дулаво, дострою Этот их проклад.

Но уже «зот их проклад» стал его собственным творчеством. Здесь голос паренька перекликается с голосом суворовского бомбардира, но звучит, несмотря на легкость своего тембра, неизмеримо более мощно: паренек незаметно для себя вступил в великое строительство, всемирно-исторического значения которого он еще не понимает, но скрепленности которого уже почувствовал всеми силами души:

Видно, сита по названию Усть у той горы. А каква — я не знаю И по сей поры...

Скорю, однако, паренек несомненно знает, что магнитная эта сила всевластна не только Магнитке, что разлита она по всей его советской родине и что ния ее — социализм.

Павос освобожденного труда! Этой теме не зря и не могли звать античные поэты, возмнитые в эпоху рабовладельчества. По вполне понятным причинам была она неведомо феодализму и осталась terra incognita для капитализма. Но культура, созданная небылвям в истории государствам Светлов, культура, заново переосмысливающая прошлое и глядящая далеко в будущее, видит в этой теме великую тему современной советской лирики, ибо она не только глубочайшим образом отражает трудовой энтузиазм нашего народа, но и воспринимает в советских людях этот энтузиазм; Работа над этой темой является одним из самых великих подвигов поэтического новаторства. Таким новаторством, несомненно, отмечена и поэзия Константина Мурзины.

1628 РАССКАЗОВ

Закончился конкурс на лучший рассказ, объявленный в ноябре 1946 года редакцией журнала «Советский воин». На конкурс поступило 1628 рассказов.

Жюри конкурса премировало десять рассказов.

Премия в 10 000 рублей приуждена майору В. Тихомирову (Москва) за рассказ «Сердце друга».

Премией в 5000 рублей удостоены рассказы «Замысел командира» подполковника Н. Бочина (Москва), «К океану» А. Брата (Москва), «Козловое и Мишка» капитана береговой службы Ю. Козлова, «Нынешнее дельце» лейтенанта В. Монастырева и «Тревожная ночь» И. Половникова.

Премии по 3000 рублей присуждены: Г. Жилину (Москва) за рассказ «Случай в лесу», С. Маричу (Ленинград) за рассказ «Крутный камино», капитана И. Свиноунову за рассказ «Наследник» и Г. Трапуну (Москва) за рассказ «ЧП в танке».

Одобрены и рекомендованы для публикации в журнале «Советский воин» рассказы: В. Ардаматского, А. Белошеева, Ф. Федина, В. Васильева, В. Великанова, Д. Горбатенко, Т. Журавлева, Т. Иванова, Т. Кубанского, И. Курченко, И. Кушникова, К. Левина, А. Маркуши, А. Новикова, В. Привалова, В. Пицальникова, М. Ронина, П. Слесарева, М. Степичева, Л. Халилина, П. Черных.

ОТХОЖИЙ ПРОМЫСЛ

Потребность в детской книге у нас необычайно велика. Но очень плохо, когда изданием литературы для малышей бесконечно занимается организация «Люди», преследующая только одну цель — материальную выгоду.

Недавно Мастерская художественной игрушки выпустила нарочито халтурную книжку под названием «Детская железная дорога». Участник этого издания (редактор М. Махладзе, художник В. Фомичев, автор стихотворного текста С. Смирнов) не имеют никакого представления о детской железной дороге, ее технике и сигнализации.

На обложке нарисован какой-то фантастический светолор, по расположению огней не похожий ни на железнодорожный, ни на светолор для регулирования уличного движения. Справа изображен «дедушка» по станции с развешенным зеленым флажком в одной руке и полувзвешенным красным — в другой. Здесь все извращено. Зеленый флаг не применяется при движении поездов; а если дежурный при станции, отправляя поезд, будет держать красный флаг, как показано на рисунке, поезд остановится.

На странице 4-й (в книге нет нумерации страниц, но для удобства ссылок я их пронумеровал в последовательном порядке) стрелочный указатель совершенно не похож на железнодорожный. Сигналы, обозначающие хвост поезда, нарисованы неправильно. На некоторых рисунках изображены светолоры (надо понимать, что вся дорога ими оборудована), а на 10-й странице из окна лифтсметского поста виден светофор. Зачем это смешение сигналов? Провода светофора можно вложить на любой вкус; художник и то ухитрился нарисовать неверно: на изоляторах провода у него прерываются.

Рисунки небрежны по исполнению и технически неграмотны. Например, на 9-й странице изображен путевой обходчик. Левая рука его поддерживает лежачие на плече инструменты, и на ней еще висит фонарь, а в правой он держит молоток, которым, наклонившись, постукивает по рельсу — «ремонтирует путь». В такой позе путь не исправится. Да и молоток нарисован неправильно. Даже технический знак МПС изображен неверно: вместо молотка с ключом нарисован старый пугеийский значок — топор и якорь.

В некоторых рисунках — явная карикатура: например, на 8-й странице парнишка у колокола изображен в форменном ките, а в трюсках.

Везде дефекты не перечислять. По рисункам помещены «стихи», которые очень трудно назвать стихами. Вот образцы:

До отхода меньше часа, Но еще билета нет, Уважамею касса, Отпустили мне билет!

Зачем ребяткам усавнять этот неграмотный и к тому же весьма развязный, совсем не детский стишь?

Вот и станция, а мост Истала над рею в полный рост... К чему здесь противопоставление: «а мост»? И может ли мост вставать в полувино руста?

Такими стихами написана вся книга. Подписи не соответствуют рисункам. Написано:

И выходи мы выходи на перрон. Шум и гам шумел стогон, а на перроне шумел некому: ни одного пассажира здесь не нарисуемо.

Книжка эта не познает детей с устройством и работой детской железной дороги, а только составят в их представлении несуществующий путаницу.

Отредактирована книга безобразно. Знаки препинания во многих местах не поставлены, а в других поставлены неправильно (в это — в книжке для детей!)

Листы разрезаны так небрежно, что на некоторых страницах остался текст другого экземпляра.

Нельзя не отметить, что эта издательская страница отпечатана 100-тысячным тиражом.

«Детская железная дорога» — книжка-расказка. Москва. «Мастерская художественной игрушки», 1947.

С. ЛЬВОВ

ПЛОДЫ НОЧНЫХ ВДЕНИИ

В Мурманске издан сборник стихов А. Гольбарга «Победители ночи».

Сборник открывается стихотворением «Поезд идет в Заполярье».

И чем труднее нам, Чем сложнее — И мой изобранный однажды путь, Тем, кажется мне, слышу лучше Москвы идуший голос в труд... Всегда одно лишь ждало движим, Чьим, наконец, во ночное бденье Выхватил я себя с сопоренем, Которое в народ названо севером.

Одних ночных бдений маловато, чтобы писать стихи. Не говоря уже о таланте, для этого нужно обладать большой простой грамотности, и скромности, пожалуй.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

В Москве в начале сентября в Петрозаводск пассажир будет организован книжный базар, посвященный 80-летию Москвы. В нем примут участие Могил, Союзпечать, «Академиздат», «Книжка для детей», Союз советских писателей, «Книжноторг» и другие книжоторговые организации.

Издательство «Советская Колыма» вышло из печати серия «Романы и рассказы». Вышел в свет первый номер — роман К. Федина «Первые радости». Скоро выйдут «Повести о жизни в Заполярье», «Нового и книга П. Вершинина «Юности в часе», «Семья» и «Помни, земля горняцкая» печатается десятиязычным тиражом и рассылается горнякам Колымы, Индустрии и Чукотки.

Новые книги северных писателей выпущены Архангельским областным издательством: Е. Кокунова «Детство в Солондохле», поэты К. Готов и В. Косицкий «Помни, земля горняцкая» и «Помни, земля горняцкая» печатается десятиязычным тиражом и рассылается горнякам Колымы, Индустрии и Чукотки.

Альбом-выставка «Библиотечка Москвы за 25 лет» будет выставлен в секторе Управления культурно-просветительских учреждений Моссовета. Здесь в фото, диаграммах и литературных заметках будет дано представление о росте книжной библиотеки в Москве за последние 25 лет, о творческих и научных достижениях ее, о работе передовых библиотек.

В Ульяновском дворе книг создателей объединения молодых писателей. О доклад об итогах XI пленума правления Союза советских писателей выступила Анна Каравая.

НОВЫЕ КНИГИ

А. Югов. «Бессмертие». Роман. 852 стр. Тираж 25.000. Цена 9 руб. 50 коп.

Ю. Либединский. «Горы и люди». Роман. 656 стр. Тираж 35.000. Цена 20 руб.

П. Соколов. «Ваш покорный слуга». В книгу вошли повести «Ваш покорный слуга», «Фарш», 328 стр. Тираж 25.000. Цена 8 руб.

С. Сабельский. «Кавалер Золотой звезды». Повесть. 216 стр. Тираж 25.000. Цена 5 руб.

Т. Семушкин. «Летит улетит в горы». Роман. 232 стр. Тираж 25.000. Цена 8 руб.

Н. Ляшко. «Повесть о расказках». 308 стр. Тираж 15.000. Цена 9 руб.

И. Тургенев. «Отцы и дети». 216 стр. Тираж 100.000. Цена без переплета 4 руб. 50 коп., в переплете 5 руб.

А. М. Горький. «Мать». 344 стр. Тираж 190.000. Цена 4 руб.

А. П. Чехов. «Юмористические рассказы». 300 стр. Тираж 100.000. Цена 4 руб.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.

Редакционная коллегия: Б. ГОРБАТОВ, В. КОЖЕННИКОВ, А. МАКАРОВ (зам. главного редактора), В. СМЕРНОВА, А. ТВАРДОВСКИЙ.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19. (Для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефон: секретариат — К 5-10-40, отделы: критика — К 4-26-04, литература — К 4-64-61, информация — К 1-18-94, издательство — К 4-61-45, искусство — К 3-37-34.

Л. РАХМАНОВ

СТАРОЕ, НО ГРОЗНОЕ ОРУЖИЕ

Перед нами пьеса, написанная лет восемь тому назад. Автор не опубликовал ее, вероятно, считая написанное несовершенным черновиком, быть может даже первым наброском будущей пьесы, первым выражением своих мыслей о темных днях после Мюнхена, предшествовавших второй мировой войне, свидетелем которых он был. Многие в этой пьесе эскизно, последний акт представляет собой лишь конспект того, что должно в нем быть; больше того, по всем признакам жажра это памфлет, а ничто не ставит так быстро, как произведение подобной рода. Почему же автор ожил эту пьесу? Почему ее с интересом читают и с нетерпением ждут ее постановки? Потому ли, что она остра по форме, от которой мы отыски? Потому ли, что неожиданна и занимательна она по сюжету? Просто потому, что ее написал любимый автор? В чем секрет жизнелюбия пьесы Евгения Петрова «Остров мира»?

Мне думается, секрет и во всем том, что она сейчас перечислил, и еще в одном: главным: в этой пьесе с нами говорит современник. Не драмател, а общественный деятель, выбравший формой общественного воздействия художественное слово. Автор думал о судьбах мира (мы отличию чувствуем это по пьесе), он был вдумчивым наблюдателем жизни, наблюдателем и описателем. Е. Петров глядел в будущий день, видел неясно завтра и завтра. Он не был пророком, он был горячо работающим и страстно думающим писателем-коммунистом.

О чем пьеса Евгения Петрова? О капитализме, империализме, паничизме и изоляционизме. Автор нашел сюжет, в котором, как в капле воды, отразился большой мир общественной жизни: политика, быт, законы капиталистического развития. Все это перед нами и предстало не в комических масштабах, а в частной жизни обыкновенного английского джентльмена, испугавшегося новой войны, бегавшего от нее с семьей и подальше идиллической острове унесшего войну вместе с собой в своем сознании. В конце пьесы мистер Джекоб стреляет из тех самых ружей, от которых так шарахался в первом акте. И это не иносказательно, он действительно припрятал их на дне своих сундуков, когда бежал из предгорной Европы на свой «мирный» остров.

Мистер Джекоб — паничист, он утверждает, что его страна стала сильнее и возвысилась благодаря мирной торговле, а не завоеваниям. Мистер Джекоб произносит вдохновенные речи, где заклинает обезумевшее человечество вернуться на

праведный путь мирного существования. Зачем эти братоубийственные раздоры? Зачем эти возмутительные сообщения по радио: «...швейцарский священник избрал бомбу для авиации, которая взрывается со страшной силой, подвергая разрушению все живое в радиусе свыше двухсот метров?» Мистер Джекоб не может от негодования усесть на месте, когда радио возвещает о «полезной бомбовой нагрузке в восемь тонн» и «убийности артиллерии, повышенной на девести процентов». Бежать, бежать из этого ада!

И он бежит. Он устраивается со всеми удобствами на далеком рабочем острове, который заранее выбрал, предусмотрев все случайности мировых катаклизмов. Чудный климат, крохотное население, не знающее, что такое кража или драка, а главное — далеко от всяких коммуникаций, от интересной стран, грызущихся между собой. Идеальная жизнь! В сорокаградусную жару привычно третить камин в уютном доме, охлажденном искусными приспособлениями. Привычный портвейн, предавая, нерассуждающая прислуга, тесный семейный круг, домашний доктор, домашний священник, даже жених привезен для дочери — удобный глупый красавец, готовый мяться на край света за оставленным зонтиком. А пьеса имеет в конце новые, еще более грозные сообщения. Пусть потуралский монах избрывает новую, еще более убойную бомбу. Пусть какой-то Данциг представляется собой бочку с порохом, а к ней тянутся с зажженным фитилем чьи-то руки. Все это далеко. На острове мир и благоволение.

Дальше события могли бы пойти так: пламя общей войны достигло бы острова, рай оказался бы одним из филиалов ада. Что ж, и так бывает, примером тому Гавайские острова.

Но Евгений Петров видит больше, для него этот маленький остров — капиталистический мир в миниатюре, капитализм сам рождает идилический остров, унесшего войну вместе с собой в своем сознании. В конце пьесы мистер Джекоб стреляет из тех самых ружей, от которых так шарахался в первом акте. И это не иносказательно, он действительно припрятал их на дне своих сундуков, когда бежал из предгорной Европы на свой «мирный» остров.

образуются в центре событий. Японцы образуют на острове марionетное правительство, и мистер Джекоб, в виде откупа, передает бывшего царя на пытку японцам, восклицая при этом, как истый монах: «Вот и достигнут мир, тихо, спокойно, без кровопролития, благодаря одной лишь дипломатии».

Но мир не достигнут. Наоборот. Уже не о Данциге, а об «Острове мира» газеты и радио сообщают, как о «бочке с порохом», к которой достаточно поднести фитиль, и мир на Тихом океане взлетит на воздух... Начинаются военные действия. И мистер Джекоб, пушавший в ход припрятанное оружие, при виде английского военного корабля спешащего на помощь, становится в позу, которая принимала в первом действии, когда проклинал войну, поднимает кверху руки и обращает глаза к небу: — Благодарю тебя, господи, создателю человека по своему образу и подобию, за то, что ты не забывая малых сих и помогаешь им в беде! И последние слова в пьесе «Остров мира»: «Выйти в море. Открыть огонь!»

Так закончилась пацифистская и изоляционистская затея мистера Джекоба, который, впрочем, до конца убежден, что он верен своим христианским высшим принципам. С железной логикой Евгений Петров